

П. А. Минакир¹

РОССИЯ–КИТАЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: НЕОЖИДАННАЯ УГРОЗА ИЛИ ГРОЗНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Интенсивно происходящее с начала 1990-х годов проникновение Китая на территорию Приамурья и Приморского края неравномерно по масштабам и формам, но является до настоящего времени существенной константой, определяющей уже сейчас и в большей степени в будущем характер и возможности экономического и политического контроля России над этими территориями.

Попытки противодействовать проникновению не приносят ощутимого результата, так как России с китайской стороны противостоит организованная и мотивированная политически и экономически государственная программа.

Периодические истерики в СМИ и драматические призывы ангажированных экспертов только накаляют обстановку, создавая в обществе настроения подспудной обреченности, ощущение неизбежности проигрыша активным, напористым, организованным и пользующимся государственной поддержкой китайцам. Тем более что подобные истерики, как правило, искажают реальность, являются театральными и направлены больше на обеспечение рейтинга отдельных изданий, политиков и «экспертов».

Соседей не выбирают, тем более что в XIX веке Россия не просто сознательно закрепила на берегах Амура и Усури, она долгое время стремилась к этому. С выходом на берега Тихого океана в акватории Японского моря Россия в самом деле превратилась в страну, связывающую две мировые культуры, две ветви цивилизации — европейскую и китайскую. Оставляя в стороне даже весьма привлекательные экономические последствия такого шага, следует помнить о том, что с культурной точки зрения Россия тем самым стала подлинно уникальным государственным и национальным образованием, обреченным на терпимость и мультинациональное, мультикультурное развитие не только во внутрисоциальном, но и в глобальном значении.

Долгое время Россия в отношении Китая была «старшим братом» в экономическом, технологическом, военном и культурном смысле. Ситуация стала меняться с начала 1980-х годов, когда Китай приступил к широкомасштабному и глубокому реформированию экономики, что затем распространилось (весьма постепенно) и на основные общественно-политические институты. Россия потеряла много времени, пытаясь осуществить примерно такой же массив реформ в обратной последовательности — сначала модернизировать общественно-политические институты, а только потом изменить экономические институты и механизмы. Ирония истории заключается в том, что самая ортодоксальная в смысле марксистско-ленинской идеологии страна в самый ответственный момент неожиданно отказалась от незыблемого до тех пор принципа главенства производственных отношений. Зато самая «оппортунистическая» единица мирового социалистического движения этот принцип не только восстановила, но и приняла в качестве руководящего постулата всех последующих шагов. Вероятно, в этом проявилась большая зрелость китайской базовой философской и политической культуры.

Основное беспокойство как российского общества, так и средств массовой информации вызывает растущая экономическая зависимость российского Дальнего Вос-

тока от китайского рынка, а также прогрессирующее опустынивание Дальнего Востока России. Действительно, на первый взгляд беспокоиться есть о чем. Если до 1991 года внешняя торговля с Китаем практически отсутствовала, то к настоящему времени около 20 % внешнеторгового оборота Дальнего Востока России — это товарооборот с Китаем. При этом 36 % всех импортных поставок на Дальний Восток — поставки с китайского рынка. Вместе с тем доля японского рынка даже выше китайского по показателю внешнеторгового оборота и лишь немного уступает (30 %) по показателю стоимости импорта. Следует также учесть, что Китай уже давно превратился в «фабрику» для всего мира по целому ряду товаров, и это факт экономической жизни, сравнительной ценовой конкурентоспособности. С численностью населения Дальнего Востока тоже проблема очевидна. По сравнению с 1991 годом численность населения региона сократилась на 1600 тыс. человек и сейчас составляет 6,5 млн человек. А население приграничных провинций Китая превышает 100 млн человек. Но, во-первых, в собственно приграничных районах Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) население сократилось приблизительно на 500 тыс. человек. Во-вторых, проблема с населением характерна для России в целом, все население которой едва превышает 140 млн человек. Нельзя же, в самом деле, обсуждать возможность переселения на китайскую границу практически всего российского населения ради поддержания численного баланса в населении. А если нет, то уменьшение или увеличение на 500 тыс. человек численности населения в приграничных регионах Дальнего Востока самостоятельным и серьезным поводом для паники быть не может.

Скорее следует задуматься о том, почему Россия постоянно оказывается в роли учителя, который не желает воспользоваться плодами собственных знаний, а через некоторое время с почтением констатирует, что надо бы позаимствовать чужой положительный опыт. Похоже, что именно так в скором времени может произойти и с программным планированием регионального развития, которое с конца 1970-х годов стремительно развивалось в России. Особо положительных результатов из-за экспертно-чиновничьего скепсиса так и не удалось добиться. А вот в Китае опыт, похоже, привился. Совсем недавно там появилась государственная программа «План возрождения Северо-Восточного Китая», подготовленная Государственным комитетом по национальному развитию и реформе, Канцелярией руководящей группы по возрождению Северо-Восточного Китая и других старых промышленных баз Госсовета КНР.

В соответствии с этой программой в течение 10–15 лет Северо-Восточный Китай должен стать «важнейшим локомотивом роста, характеризующимся внушительной экономической силой, относительной целостностью социальных институтов и систем, рациональной промышленной структурой, сбалансированностью роста региональной экономики, устойчивым развитием “ресурсных” городов и гармоничной социальной средой». Программа ставит конкретные и достижимые цели, например модернизация производственной базы для производства конкурентоспособного на мировом рынке промышленного оборудования, превращение Северо-Восточного Китая в национального поставщика новых материалов и энергии, базу технологического развития и инноваций, стратегическую зону экологической безопасности и базу национального значения по поставкам сельскохозяйственной продукции.

¹ Академик РАН, директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), член Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в том числе книг: «Экономическое развитие региона: программный подход», «Системные трансформации в экономике», «Экономика регионов: Дальний Восток», «Финансовые кризисы на развивающихся рынках» и др.

Пока мы с некоторым удивлением и недоверием раздумываем относительно возможных последствий для России реализации этой программы. Через некоторое время ее результаты превратятся, возможно, в ощутимую проблему для нас, хотя и сейчас уже проблем хватает. Сохраняя принятую терминологию, можно квалифицировать возможные угрозы следующим образом:

- переселение на Дальний Восток значительных масс китайцев (называются разные цифры, до 2 млн человек уже в настоящее время), которые де-факто образуют собственный анклав в регионе;

- развитие политической обстановки по сценарию Косово, то есть предъявление требований политическоего самоопределения концентрированного китайского населения, что приведет к потере Россией южных территорий Дальнего Востока, то есть вернет ситуацию к середине XIX века;

- «тихий захват» экономики и недвижимости, земли, что превратит Дальний Восток фактически в экономическую колонию Китая;

- превращение Дальнего Востока РФ в сырьевую колонию Китая, что фактически окончательно «оторвет» регион от России в экономическом отношении;

- чрезмерное «замыкание» экономики региона на китайский рынок, что будет означать фактическую изоляцию России от остального азиатского мира, прежде всего от Японии, стран АСЕАН, США, Канады (в экономическом отношении) и жестко привяжет экономику Дальнего Востока России к китайскому воспроизводственному и конъюнктурному циклу;

- финансовый захват (скупка) основных сырьевых запасов в регионе (интересных экономически для Китая), что лишит регион и Россию в целом значительной части суверенности в распоряжении и использовании своего природного потенциала;

- вероятность долговременной фиксации сложившейся экономической структуры региона и товарной структуры внешней торговли, что будет означать прогрессирующее перераспределение экономической и торговой ренты в пользу Китая;

- возврат территорий южного Приамурья и Приморского края в состав Китая по силовому сценарию, учитывая постоянное усиление как экономического, так и военного потенциала Китая, а также вероятное увеличение агрессивной компоненты в геополитической стратегии КНР по мере усиления китайского влияния в мировой экономике и политике.

Какие существуют угрозы реального характера?

Вероятность силового сценария реставрации китайского суверенитета над южным Приамурьем и Приморским краем представляется чрезвычайно низкой. Эпоха военно-колониальных захватов давно закончилась, и в современном мире существует множество механизмов, предотвращающих подобные сценарии. Кроме того, любой сколько-нибудь масштабный военный конфликт между ядерными державами исключен в принципе.

Вероятность массового переселения китайского населения в Приамурье и Приморский край является более вероятным сценарием. Однако его реализация при прочих равных условиях зависит от эффективности и целей регулирования миграционной ситуации самой Россией. Подобное переселение при определенных условиях может оказаться положительным фактором для развития региона в случае, если такое развитие будет происходить по монотонно возрастающей траектории. Основным фактором роста при этом будет физический прирост численности занятых, то есть упор будет сделан на развитие трудоемких производств. Скорее всего, подобное предположение вряд ли реалистично, учитывая уже объявленные и разра-

батываемые декларации и намерения в различных документах, касающихся перспектив социально-экономического развития Дальнего Востока. Следовательно, угроза массового переселения китайцев если и реализуема, то вполне контролируема.

Угроза изменения политического режима в результате спровоцированного изнутри военно-политического переворота (Косовский сценарий) также, очевидно, существует лишь гипотетически. Во-первых, в случае если Россия сама допустит массированную легальную иммиграцию из Китая, а во-вторых, если при этом не будут быстро и жестко созданы условия, обеспечивающие полную ассимиляцию пришлое китайского населения и его абсолютную политическую и культурную идентичность с гражданами других национальностей. Часто встречающиеся ссылки на то, что ассимилированность китайского населения в США, Европе, Канаде, где оно не создавало и не создает угроз территориальному и политическому суверенитету заселяемых территорий, не могут служить доводом в случае российского Дальнего Востока. Однако следует учитывать наличие концентрированных китайских анклавов в Малайзии, Таиланде, Сингапуре, которые, как и Россия, расположены в непосредственном контакте с китайской метрополией, но там не возникало и не возникает «косовских» прецедентов. Иными словами, косовский сценарий в принципе возможен, но его реализация в значительной степени зависит от действий или бездействия самой России, чем от Китая и потенциальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке.

Значительно более реальной угрозой является вероятность установления контроля над дальневосточным бизнесом и недвижимостью. При этом наибольшую опасность представляет контроль не над крупными объектами и предприятиями, что легко контролировать, а над мельчайшим, мелким и средним бизнесом, а также приобретение «малыми порциями» (как правило, через подставных лиц) жилой и коммерческой недвижимости, земельных участков. Реальная опасность при этом заключается в том, что вслед за финансовыми потоками последуют потоки людские, но так как они будут привязаны к реальной собственности и реальному бизнесу, их влияние на экономическую и социально-культурную ситуацию на Дальнем Востоке будет возрастать пропорционально доле китайского бизнеса в общем экономическом обороте и даже быстрее, учитывая чрезвычайную деловую агрессивность, трудолюбие и целеустремленность китайцев, что делает их сильными конкурентами отечественным предпринимателям и в целом населению. Особая опасность при этом связана с тем, что вероятные экономические мигранты из Китая — это выходцы из северо-восточных провинций, значительно уступающих южным и приморским провинциям Китая с точки зрения образовательного ценза, уровня культуры, этических норм, поведения в быту и т. д. Это может радикально изменить как сам бизнес, так и в целом дальневосточное общество, сделав их более примитивными, соответственно резко ослабив потенциал адаптации в быстро меняющейся экономической и технологической обстановке, принципиально осложнив конкурентоспособность на всех рынках, кроме китайского.

Весьма реальной является угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент общеазиатского рынка, а точнее превращение экономики Дальнего Востока в сырьевую базу и транспортно-логистический центр по снабжению китайской промышленности сырьем, транспортной переработке китайской продукции на другие территориальные рынки и одновременно в рынок сбыта продукции китайской перерабатывающей промышленности. При этом каких-либо кооперационных выгод, например

получения гарантированных китайских заказов для обрабатывающей промышленности самого Дальнего Востока, не будет. Вероятность такого развития событий велика, поскольку внешний спрос является и для промышленности, и для транспорта Дальнего Востока критически важным условием роста. Высокие темпы развития Китая и его агрессивная внешняя экономическая политика, создающая хорошие условия для китайского бизнеса по экономической аннексии сравнительно слабых приграничных территорий, создают объективную основу для все большего смещения этого внешнего спроса по направлению к Китаю. Отсутствие контригры, выраженной в акцентированной экономической политике России на Дальнем Востоке, вполне может привести к созданию подобной ситуации «по умолчанию».

В случае если экономическая концепция Китая, предусматривающая использование накопленных резервов и всего имеющегося потенциала китайской экономики для реставрации в послекризисный период глобальных экономических взаимосвязей по типу докризисной мировой экономики, окажется успешной и будет реализована, восстановленный экономический рост Китая вполне способен через определенное время поглотить существенную часть мировых сырьевых ресурсов. В этом смысле Дальний Восток как сырьевая провинция Северо-Восточной Азии вполне вероятно может трансформироваться в сырьевую провинцию Китая по тем компонентам запасов сырья, по которым эта страна испытывает напряженность при формировании своих натуральных балансов. Этому будет способствовать то, что сохранение докризисной модели глобальных торговых и финансовых потоков означало бы дальнейшее увеличение финансового потенциала Китая. Последнее облегчило бы ему задачу экономической аннексии (в форме концессий, приобретения активов, прямых инвестиций, долговременных соглашений) на сырьевых рынках. С этой точки зрения у России есть определенные возможности противодействовать подобному сценарию, так как в случае действительной рес-

таврации докризисного экономического глобального порядка (что, впрочем, представляется сомнительным) Россия также сохранится как заметный игрок на сырьевых рынках мира. Это будет означать аккумуляцию Россией в среднесрочном периоде существенных финансовых ресурсов, что может быть использовано для активизации собственной политики противодействия китайскому экспансионизму на сырьевых рынках. Однако подобная угроза реальна, и ее устранение требует эффективных быстрых решений.

Столь же реальной является угроза длительной консервации отсталой экономической структуры Дальнего Востока на фоне быстрого экономического роста Китая. Увеличение его спроса на сырьевые ресурсы будет провоцировать перераспределение ресурсов накопления на Дальнем Востоке и в России в целом в сырьевые сектора. Это приведет, конечно, к дрейфу экономической структуры в сторону сравнительно примитивных добывающих секторов при нехватке ресурсов для облагораживания структуры. Парировать данную угрозу, полагаясь только на рыночные механизмы регулирования, скорее всего, окажется невозможным, так как фактор минимизации упущенной выгоды будет объективно препятствовать блокированию перераспределения ресурсов накопления в пользу добывающих отраслей. Следовательно, отразить эту угрозу возможно только в рамках целенаправленной государственной экономической политики, в которой противодействие китайскому экономическому экспансионизму — явная формализованная цель.

Даже реальные угрозы являются таковыми лишь в том случае, если относиться к ним как к проявлению чуждой культуры. Но истинная задача заключается в том, чтобы осознать, а затем и действовать в соответствии с убеждением и пониманием того, что миссия России и единственная возможность для нее конструктивно сотрудничать в Восточной Азии — сохранение поликультурности, настраивая на синтез культур в условиях дальневосточного перекрестка мира.